

Янь Лян смотрел на эти вещи, и его глаза внезапно защипало. Он считал, что умеет держать удар и в любой ситуации способен сохранять привычное невозмутимое спокойствие.

Но сегодня... обнаружив, что его собственный теневой страж вожделеет его до такой степени, он... оказался к этому не готов.

Свирепый цепной пес, который обычно скалил клыки на чужаков, втайне притаскивал в свое логово выброшенные хозяином вещи.

Пальцы Янь Ляна на мгновение сжались, затем он достал из рукава шелковый платок. Расстелив на столике у зеркала изысканную ткань, расшитую узорами из ягод кизила, он высыпал на нее все содержимое ящика, наспех завязал узлом и спрятал сверток обратно в рукав.

Раз уж он решил помочь ему избавиться от этой пагубной привычки, нельзя оставлять здесь эти вещи.

Он делает это ради блага самого Янь У. Вместо того чтобы любить прекрасных девушек, тот зачем-то сохнет по мужчине, который скоро начнёт стареть и терять привлекательность. Насколько же надо быть не в своём уме?

Должно быть, его прежнее поведение породило у стража иллюзию взаимности. Эх, знай он заранее, что всё так обернется, держал бы подобающую дистанцию между господином и слугой.

И с поиском наставника для него медлить больше нельзя.

Придерживая свёрток в рукаве, Янь Лян поспешно вышел. Он так торопился, что не заметил, как низка бусин, которую он сам обронил, осталась лежать на полу.

Холода всё не отступали, в саду царила тишина. Вернувшись из того двора, Янь Лян целыми днями ходил сам не свой, а по ночам его мучили кошмары.

Он хмурился, его губы побелели. Под боком и в ногах лежали грелки с горячей водой, но он всё равно дрожал от холода. Страх перед безликими тварями из снов не давал ему уснуть ночь за ночью.

Став князем, Янь Лян убил немало тех, кто покушался на его жизнь. За годы их набралось если не тысяча, то сотни точно. Хотя он наносил смертельные удары лишь ради самообороны и не считал себя виноватым, ему казалось, что души погибших всё ещё исполняют приказы своих покойных господ, ни на миг не прекращая преследовать его.

В конце концов, когда терпеть стало невыносимо, он пригласил мастера для проведения обряда.

Ритуал изгнания демонов и призраков должен был состояться ночью.

Ночь выдалась темной и ветреной, но в поместье князя Янькана было светло как днём.

Набросив на плечи плотный плащ, Янь Лян сидел во дворе и наблюдал, как приглашённые заклинатели поют и пляшут вокруг костра. По всему поместью были расклеены обережные талисманы.

Яркие искры с треском вылетали из горящих поленьев. Маг в причудливых одеждах разлил кровь чёрной собаки кругом вокруг костра.

Пламя освещало половину неба, Янь Лян сидел на границе света и тени. Чёрный плащ с вышитыми золотом цветами подчеркивал холодную красоту его черт и бледность лица; он казался небожителем, сошедшим в мир смертных и не ведающим земных забот.

Запах крови ударил в нос, и он, подавив тошноту, поднялся, чтобы уйти.

Служанка Сяхо, заметив это, последовала за ним:

— Князю нездоровится? Позвать лекаря?

Янь Лян покачал головой и вдруг, приоткрыв бескровные губы, спросил:

— Когда Янь У вернется в поместье?

Он сам поразился собственным словам и уже хотел было бросить «неважно», но служанка ответила мягким, вкрадчивым голосом:

— Господин Сяо У отправился в Цзяннань на самом быстром коне из княжеских конюшен. Если ехать без остановок, путь займет месяц. Но и коню, и человеку нужен отдых... Если вычесть те дни, что господин Сяо У уже провел в пути, выходит, что ждать его ещё больше полумесяца.

«Ещё так долго...» — Янь Лян плотнее запахнул плащ, в его глазах промелькнула тень одиночества.

Пока этого мальчишки нет рядом, кажется, будто в мире не осталось близких людей. В этом огромном поместье он стоял один-одинешенек, и лишь собственная тень служила ему утешением.

...

В это время Янь У, забрав с собой все свои сбережения, находился далеко в Цзяннани и выбирал украшения для повседневного обихода своего господина.

Раз уж он отправился в столь дальний путь, он решил обязательно привезти что-нибудь своему хозяину, а потому взял с собой серебро, которое копил несколько лет.

Его господин — князь, и вещи ему подобают только достойные, никакой дешевки. К тому же, выбирая подарок для любимого человека, нужно искать самое дорогое и красивое.

Доставив письмо, Янь У зашёл в самую известную ювелирную лавку Цзяннани, чтобы выбрать шпильку для волос.

Посетители лавки сплошь были людьми знатными и богатыми, одетыми в шелка и украшенными нефритом. Янь У в своих чёрных одеждах, с мечом на поясе и волосами, стянутыми простой лентой, сильно выделялся на их фоне.

Хоть одет он был скромно, выглядел Янь У человеком явно состоятельным, а в каждом его движении сквозило благородство. Должно быть, за годы рядом с Янь Ляном он невольно перенял немало его повадок.

Но он казался куда более степенным и надежным, несмотря на молодость, от него веяло честностью и достоинством.

Вот и сейчас.

Приказчиков в лавке не хватало на всех, многие гости стояли без внимания. За всеми, кроме него, приказчики украдкой присматривали, опасаясь кражи.

Но на Янь У, который придирчиво перебирал шпильки, никто не косился с подозрением.

Одна его рука покоилась на рукояти меча, другой он бережно держал нефритовую заколку, осматривая её со всех сторон.

Янь У недовольно поджал губы.

Он обошел всю лавку, но так и не нашёл ничего похожего на ту сломанную шпильку господина... Та была очень красивой и очень ему шла. А здешние по большей части выглядели заурядно, без изюминки.

Он уже готов был разочарованно уйти, когда случайно заметил белую нефритовую шпильку в руках одной молодой дамы.

Нефрит был чистейшим, один конец шпильки был вырезан в форме ажурного лотоса, а в его сердцевине красовалась жадеитовая вставка, оплетённая золотыми нитями.

Лишь взглянув на неё, Янь У уже представил, как прекрасен будет его господин с этой шпилькой в волосах.

Он не отличался красноречием и никогда не заговаривал с женщинами первым. Ноги в чёрных сапогах словно приросли к полу; Янь У замер, не сводя глаз с украшения, которое в любой момент могли купить.

К счастью, та барышня не собиралась её брать: бросив беглый взгляд, она положила шпильку обратно и ушла.

Янь У с облегчением выдохнул, подошёл и бережно взял заколку. Она пришлась ему по душе, и, убедившись, что изъянов нет, он коротко бросил приказчику:

— Заверните.

Он был так очарован вещью, что купил её, даже не спросив цену, из-за чего разом лишился большей части своих многолетних накоплений.

Янь У ни о чем не жалел. Спрятав деревянную коробочку за пазуху, он продолжил путь.

Дорогой он увидел уличного торговца, продававшего обычные деревянные гребни, и сердце его дрогнуло. У господина не было недостатка в гребнях, но не было ни одного, подаренного им.

Он выбрал самый дорогой. Денег почти не осталось, а значит, на обратном пути в поместье ему придется ночевать под открытым небом и довольствоваться малым.

Янь У очень дорожил вещами в своей сумке, боясь уронить или повредить их, и даже не решался гнать коня слишком быстро.

Его пальцы, покрытые обморожениями, сжимали поводья; покраснение и припухлость выглядели довольно серьёзно.

Янь У достал мазь и тщательно смазал больные места.

... В Цзяннани было куда теплее, чем на севере, и раны на руках на ветру болели уже не так сильно. Янь У едва заметно улыбнулся: господин говорил, что у него красивые руки.

Янь У едва заметно улыбнулся: господин говорил, что у него красивые руки. Значит, их нужно беречь.

<http://bllate.org/book/22107/2316098>